

Бегство с позиций великой державы*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(институт Европы РАН)

Закономерный финал

В “Правде” 7 марта было опубликовано сообщение о состоявшемся накануне приеме Горбачевым правительственный делегации ГДР**.

В сообщении приводились слова советского лидера: “Мы твердо убеждены, что сближение ГДР и ФРГ только тогда не нарушит баланс интересов на континенте, если будет гарантирована его поэтапность, контролируемость, увязанность с обеспечением безопасности всех заинтересованных государств в русле общеевропейского процесса”.

В сообщении говорилось о позиции Горбачева: “Со всей определенностью было заявлено о неприемлемости включения будущей Германии в НАТО, какие бы оговорки при этом ни делались. Нельзя допустить действий, которые вели бы к слому сложившегося в Европе равновесия – основы стабильности и безопасности, взаимного доверия и сотрудничества” (С. 379–380)***.

Именно такие цели были заявлены “планом Модрова”, который после 10 февраля оказался как бы выброшенным в мусорную корзину.

Между тем министры-оппозиционеры в правительстве ГДР полностью согласились с тезисами, выдвинутыми советским лидером. Однако ГДР не приходилось рассчитывать на “прикрытие с тыла” со стороны СССР. В опубликованных в тот же день ответах на вопросы редакции “Правды” Горбачев признал, что перед выборами в ГДР республику наводнили визитеры из ФРГ, которые “вмешиваются в ее дела, будто ГДР уже потеряла суверенитет, будто ГДР уже не независимое государство, признанное мировым сообществом. Там все это есть, это присутствует. Но пусть уж сами немцы разберутся в этом” (С. 383).

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 7, 8.

** Модров привез в Москву свое правительство почти в полном составе, включая министров без портфеля, представлявших всю восточногерманскую оппозицию.

*** Страницы указаны по книге “Михаил Горбачев и германский вопрос”. Сборник документов 1986–1991 гг. М., 2006.

А это означало лишь подтверждение предоставленной ФРГ свободы рук в отношении ГДР.

В дальнейшем события разворачивались весьма своеобразным порядком. МИД как компетентное внешнеполитическое ведомство анализировало создававшуюся ситуацию, готовило предложения относительно наших шагов по германским делам, выступало с заявлениями (которые по заведенному порядку утверждались в Политбюро ЦК КПСС), но все это никак не отражалось на практических решениях по основополагающим проблемам германского урегулирования, принимаемых Горбачевым и узким кругом его советников.

Стоит привести пример заявления МИД СССР от 14 марта 1990 г., где формулировались положения, от которых, как декларировалось, СССР не мог отказаться:

- необходимость "синхронизации сближения и возможного объединения двух германских государств с общеевропейским процессом", что требовало поэтапного развития без искусственно создаваемой обстановки цейтнота;

- неприемлемость простого присоединения ГДР к ФРГ, которое лишило бы восточнонемецкую республику "ее суверенных прерогатив отстаивать в качестве равноправного партнера права и интересы граждан ГДР, их социальные завоевания, те ценности, которые были созданы упорным трудом за время существования республики";

- недопустимость включения ГДР в НАТО, которое также стало бы следствием поглощения ГДР;

- обязательность уважения сохраняющихся в полной мере прав и ответственности четырех держав за Германию в целом, "за то, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила угроза миру", причем эти права и ответственность относятся "и к Западному Берлину с его особым статусом, определенным в Четырехстороннем соглашении" (С. 385–387).

Впоследствии были сданы все перечисленные позиции без исключения.

Очень близко к рекомендациям МИД стояло мнение Фалина, который принадлежал к числу советских внешнеполитических экспертов с большим опытом работы на германском направлении. В публикации Горбачев-фонда содержится текст записки Фалина на имя президента СССР от 18 апреля 1990 г. с детальными предложениями относительно дальнейших действий по урегулированию кризиса в ГДР в советских интересах. Фалин считал необходимым положить конец ситуации, при которой "с момента краха режима СЕПГ в ГДР европейская политика СССР, по крупному счету, впала в полосу раздумий и самоанализа, чтобы не сказать – депрессии".

Он требовал категорически настаивать на заключении мирного договора с Германией (который можно было бы назвать "актом мира", чтобы не раздражать ФРГ), поскольку он является "единственным шансом состыковать объединение Германии и общеевропейский процесс, хотя по времени они разойдутся и, похоже, серьезно". В основу соответствующего документа следовало положить "принцип отказа от насилия как средства национальной политики. Он дополнялся бы обязательством не допускать использования немецкой территории третьими странами или группами стран для проведения политики силы по отношению к кому бы то ни было в Европе или за пределами Европы".

Фалин предупреждал, что "ход трех держав от мирного урегулирования тождественен намерению погасить права Советского Союза как державы-победительницы и как архитектора (послевоенного устройства) и союзника ГДР при сохранении за США, Англией и Францией весомого пакета «первоначальных прав», поскольку они перешли в Боннский договор 1952 года (с поправками 1954 года) и другие их договоренности с ФРГ".

Как средство давления на три державы он предлагал выдвинуть проект мирного договора “в максимально благоприятном ключе для широких масс немцев и деловых людей” с перспективой “во имя полного и окончательного примирения наших народов подписать такой договор (акт) только с нами”.

Фалин указывал на неприемлемость:

- западных попыток сузить (устные) обязательства Запада о нераспространении сферы деятельности НАТО на территорию ГДР ссылкой на то, что они не относятся к “кризисным ситуациям”;
- стремления апологетов “холодной” войны ограничиться “перегруппировкой сил, чтобы продлить век политики конфронтации”;
- усилий по “инспирированию демонстраций «народной воли» и созданию нетерпимого психологического климата вокруг советских войск в ГДР”.

В качестве крайней уступки он считал возможным вариант, при котором объединенной Германия было бы разрешено быть участником какого-либо военного союза “на переходном этапе к созданию европейской системы безопасности” на следующих условиях:

- соблюдение постановлений мирного договора;
- невхождение в интегрированные структуры этого союза;
- неразмещение оружия массового уничтожения на территории Германии;
- неиспользование территории (включая воздушное пространство), на которую ранее распространялась компетенция другого союза, для размещения вооруженных сил союза, в который войдет Германия;
- право на размещение советских войск на нынешней территории ГДР на такое время, какое СССР “считал бы для себя необходимым”, а после их вывода на

содержание там персонала для наблюдения за выполнением положений о военном статусе Германии.

Для предотвращения поглощения ГДР Западной Германией (“аншлюса”) Фалин предлагал предупредить Запад, что “включение ГДР в состав ФРГ согласно ст. 23 боннской конституции* будет квалифицироваться как агрессия страны-члена НАТО против страны-члена ОВД и нарушение основополагающих прав Советского Союза”, а без мирного договора “все наши права державы-победительницы сохранятся в полном объеме”. “В порядке предостережения против игр со ст. 23 и намека на то, что советские права – это незыблемая реальность” на обсуждение выносилась “с учетом паралича госорганов ГДР” возможность “восстановить (понятно – “временно”) Советскую военную администрацию в Восточном Берлине примерно на условиях, на которых существуют таковые в западных секторах”.

Параллельно Фалин указывал на иллюзорность надежд на сохранение производственной кооперации с ГДР после объединения Германии.

Он писал: “Проникновение частного западногерманского капитала в экономику ГДР чревато уже сейчас радикальными переменами. Часть предприятий, основных наших поставщиков, намечена к закрытию, другие переводятся на выпуск новой продукции. Обещания канцлера их ни к чему не обязывают. На повестке дня изменение условий и порядка взаимных расчетов”.

У концепции Фалина было, по крайней мере, одно уязвимое место – она не содержала способа устраниить опасности для суверенитета ГДР, свя-

* Ст. 23 конституции ФРГ предусматривала присоединение к ней частей рейха в границах 1937 г. без каких бы то ни было переговоров о создании нового объединенного германского государства. Именно таким образом и состоялось объединение Германии 3 октября 1990 г.

занные с грядущей реализацией валютной унии, то есть о введении в ГДР западногерманской денежной единицы (немецкой марки).

Его предложение проводить сильную политику в сфере германских дел неизбежно наталкивалось на то обстоятельство, что с 1 июля 1990 г., когда уния вступала в силу, ГДР в действительности превращалась в фантома. В самом конце фалинской записи предлагалось “уже сейчас вступить в доверительные контакты с ФРГ по вопросам, связанным с финансированием наших расходов на содержание советских войск в ГДР после введения в оборот там западногерманской валюты. По некоторым сведениям, Бонн готов пойти нам навстречу, но в «замаскированной форме». Прямое компенсирование советских расходов вызвало бы раздражение американцев, которые в ФРГ не пользуются такими льготами” (С. 399–408).

Вряд ли можно было бы беспроблемно совместить наступательное противление планам западных немцев поглотить ГДР с одновременным обращением к ним с просьбой дать деньги. Во всяком случае, подобный маневр требовал высшего дипломатического пилотажа. А его “на верху” не было, и главное не было сознания, что оно нужно.

Фалин и дальше продолжал отстаивать предложенную им стратегию. Выступая на встрече с коллективом посольства СССР в ГДР 18 мая 1990 г., он настаивал на следующих принципах советской политики по германским делам: “Не может быть и речи о включении объединенной Германии в НАТО. Наша цель состоит в том, чтобы добиться общеевропейской системы коллективной безопасности.

При достижении принципиальной договоренности о временных рамках построения такой системы можно будет определиться и с промежуточными этапами. Но пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска останутся в Восточной Германии, и их вооружение будет соответствовать американскому (то есть включать ядерное оружие). Попытка включить ГДР в состав ФРГ – это по существу агрессия НАТО против страны ОВД.

С Германией следует заключить регулярный мирный договор, который будет означать окончание не только Второй мировой, но и «холодной» войны. В этом нас поддержат французы, бельгийцы, итальянцы, поляки, чехи и другие страны.

Большинство немцев также хочет мирного договора, чтобы покончить с правами западных держав в Германии, а также предотвратить возможные авантюры своего собственного правительства”.

Записка Фалина с ее продуманной до деталей программой активных действий доказывала, что существовали альтернативы “стратегии” самовольного ухода с позиций великой державы. Во время состоявшегося через несколько дней визита в СССР премьер-министра ГДР Лотара де Мезье-ра* представился случай проверить отношение высшего советского руководства к рекомендациям Фалина. Запись беседы с де Мезьером 29 апреля доказывает, что президент СССР не воспользовался теми “нажимными” методами, которые предлагал Фалин.

Весьма мягкой форме Горбачев говорил, например, о желательности сохранения “тех мощных, реальных связей в экономике, науке и технике, которые создавались за десятилетия сотрудничества между Советским Союзом и ГДР”. Он продолжал: “Это одна из причин, по кото-

* Председатель ХДС (ГДР) Лотар де Мезьер стал премьер-министром ГДР после выборов в Народную палату 18 марта 1990 г.

рой необходимо позаботиться и о расчетах в новых условиях, когда начнет действовать валютный союз. Важно осмыслять в экономическом плане и вопрос об обеспечении группы советских войск в ГДР. Я не касаюсь сейчас политической стороны этого вопроса".

Подтверждая отказ согласиться с включением объединенной Германии в НАТО и размышляя вслух о том, какие взаимоприемлемые решения можно здесь найти, Горбачев вновь заговорил о ее одновременном членстве в НАТО и ОВД. Он в очередной раз настаивал на "треугольнике ФРГ – ГДР – СССР", хотя бесперспективность подобной конструкции становилась все более очевидной.

Любопытно, что на тот случай, если Запад не будет учитывать интересы СССР, Горбачев "пригрозил" "распуском Варшавского договора и полным уходом советских вооруженных сил в пределы собственной территории. Тогда руководителям НАТО придется объяснять населению своих стран, зачем вообще нужен этот блок". Реакция собеседника на это замечание осталась неизвестной.

С точки зрения возможностей координации политических усилий СССР и ГДР в плане удовлетворительного урегулирования германской проблемы представляет интерес позиция, которую изложил во время этой беседы де Мезьер. Кстати, это именно он, отметив, что "мы чувствуем себя несколько неуверенными в результате того, что интересы Советского Союза изображаются по-разному", предложил "четко договориться о том, как учитывать позиции друг друга". Прежде всего, премьер-министр подчеркнул важность сохранения и расширения экономических связей с СССР для ГДР, где 35% занятых в производственной сфере работают над выпуском продукции для Советского Союза.

"Для нас очень важно иметь надежных партнеров, заказчиков с советской стороны", – отметил он. Де Мезьер напомнил, что на сессии Совета экономической взаимопомощи (София, январь 1990 г.) ГДР возражала против советского предложения перейти в СЭВ на расчеты в свободно конвертируемой валюте по мировым ценам.

В отношении военных аспектов германского объединения он отметил, что "мы не считаем обязательным закрепление членства объединенной Германии в НАТО. Мы за политику продвижения к роспуску блоков, в том числе, конечно, и НАТО".

Для этого, считал он, необходима институциализация общеевропейского процесса: в частности, проведение регулярных встреч министров иностранных дел, министров обороны, командующих вооруженными силами всех государств-участников; создание многостороннего органа по урегулированию спорных вопросов; разработка моделей проверки договоренностей, касающихся разоружения и военной разрядки.

Насколько можно судить, это была первая и единственная попытка конкретизировать лозунг "общеверопейского дома", на который так любили ссылаться советские руководители; СБСЕ/ОБСЕ, бывшая для Москвы единственным светом в конце, обманула возлагавшиеся на нее надежды, так и не став "европейской ООН".

Де Мезьер косвенно поддержал идею "двойного членства" объединенной Германии, предложив: "Войска, образующие ныне Народную армию ГДР, должны быть в техническом отношении связаны с Варшавским договором и ни в коем случае не будут связаны с военными структурами НАТО". Горбачев отклонил это предложение как слишком "оптимистическое". Де Мезьер привлек внимание Горбачева к идее "включить в систему договоров, связанных с объединением Германии, также договор о дружбе и взаимопомощи с СССР. Это гарантировало бы

продолжение и расширение нашего сотрудничества с Советским Союзом". Для успокоения собеседника он добавил, что и Коль положительно относится к этой идеи (С. 412–422).

Наличие целого ряда совпадающих моментов в позициях СССР и пост-социалистической ГДР подсказывало, что объединение усилий обоих правительств укрепит их возможности отстоять свои интересы. К тому же их выступление единым фронтом никого не удивило бы, поскольку они продолжали оставаться союзниками – соответствующие договора между СССР и ГДР никто не отменял. В то же время СССР получил бы возможность подкреплять свои требования ссылками на поддержку со стороны немцев, так как ГДР вне всяких сомнений оставалась германским государством. Однако, несмотря на обещание Горбачева де Мезьеру: "Мы будем постоянно взаимодействовать с вами", именно этого и не произошло.

После того, как в январе 1990 г. Москва списала ГДР со счетов, никаких изменений в нигилистическом отношении СССР к союзнику не наблюдалось.

Кстати, сотрудничество с ГДР не предусматривалось и предложениями Фалина. Получилось, что мнение ГДР не принималось во внимание ни ФРГ, ни Советским Союзом, ни западными державами.

Формула "2+4" упростилась до "1+4": ФРГ еще до формального объединения воспринималась участниками переговоров как представительница "всех немцев". А окружение Горбачева активно готовило отказ от последнего расходящегося с интересами Запада требования о невхождении объединенной Германии в НАТО.

В докладной записке Черняева для Горбачева от 4 мая 1990 г. утверждалось:

"Совершенно очевидно, что (объединенная) Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет".

Нельзя сказать, что Черняев не предвидел последствий подобного развития.

Он писал: "Рассуждения насчет того, что в результате объединения Германии, а потом и возможного присоединения Польши к НАТО границы блока пододвинулись бы к советским границам, – это из вчерашнего дня, из стратегии времен Второй мировой войны и «холодной» войны, когда наша собственная безопасность измерялась не только в военном плане, но и в социально-политическом – через (социалистическое) содружество. И будут ли бронетранспортеры и гаубицы бундесвера стоять на Одере-Нейсе, или на Эльбе, или еще где-нибудь, ситуацию в мировой военной стратегии это не меняет. Эта ситуация определяется ядерным балансом СССР и США".

Далее следовало предсказание: "У меня такое ощущение, что Шеварнадзе не удастся удержаться на уровне тех директив, которые он вчера получил. Да и на товцам очень трудно будет его понять. Казалось бы, Советский Союз сейчас, как никогда, заинтересован в поддержке перестройки со стороны Запада. Казалось бы, он должен был оценить его относительнуюдержанность в литовском деле.

Казалось бы, Советский Союз заинтересован в том, чтобы подтвердить свою веру в реальность европейского процесса, в то, что наступает новая эра – эра доверия, когда исчезают страхи былых нарушений, агрессий, военных завоеваний и т.д. И для этого есть объективные предпосылки, о которых вы не раз говорили публично. И вдруг именно в этот момент мы демонстрируем железную непримиримость на основе аргументов, которые с точки зрения нового мышления и новой военной доктрины выглядят странно. Зачем нам сейчас, в такой сложный момент перестройки, осложнять отношения с Западом, вызывать дополнительные подозрения и спекуляции?" (С. 424–425).

Другими словами, раз уж начал капитуляцию, доводи ее до конца, а то

дядя Сэм нас не поймет. Кстати, с такой аргументацией мы часто сталкиваемся и сегодня.

Горбачев проявил неожиданное упорство в вопросе о включении объединенной Германии в НАТО. Он как будто чувствовал, что уступка Западу по этому оставшемуся единственным принципиальному пункту окончательно подорвет его авторитет в стране.

В беседе с Бейкером 18 мая он совершенно справедливо подчеркивал: "Если объединенная Германия войдет в состав НАТО, то это будет серьезным изменением соотношения сил, всего стратегического баланса.

Для нас возникнет вопрос: каков должен быть наш следующий шаг.

Думаю, вы, как человек логически мыслящий, это понимаете. Очевидно, нам пришлось бы приостановить все обсуждения в области разоружения, проанализировать, какие изменения нам надо внести в нашу доктрину, в позицию на переговорах в Вене, в наши планы сокращения вооруженных сил".

В ответ американец сослался на Заключительный акт Хельсинки, который закрепил за каждой страной-участницей право по своему выбору входить или не входить в любой союз.

Кстати, точно такая же примитивная аргументация использовалась позже для оправдания расширения НАТО на Восток. Горбачев продолжал настаивать, однако не пустил в ход "тяжелую артиллерию" по фалинскому рецепту и предложил, чтобы обе стороны еще раз хорошенько подумали над проблемой (С. 438–444).

Между тем, надежды на разногласия в западном лагере не оправдались, хотя будущая "Большая Германия" вызывала восторг только в США.

В вопросе о германском членстве в НАТО Горбачев не встретил поддержки даже со стороны Миттерана, с которым беседовал на эту тему 25 мая.

Президент Франции со всей прямотой сказал: "ФРГ – член НАТО, и именно она – если называть вещи своими именами и отбросить дипломатическую оболочку про-исходящего – поглощает ГДР" * (С. 451).

Миттеран выразил при этом сожаление, что его сделанное в декабре 1989 г. предложение о европейской конфедерации не было подхвачено Советским Союзом. Эта идея, – говорил он, – "схожа с вашей концепцией строительства общеевропейского дома" (С. 456), намекая одновременно на то ее преимущество, что реализация французской идеи означала бы выигрыш во времени и позволила бы обойти аморфное СБСЕ, неспособное стать костяком общеевропейской организации.

В сложившейся же ситуации, – продолжал Миттеран, – "если я скажу «нет» в вопросе о принадлежности Германии к НАТО, то окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров".

Француз предупредил: "Вы можете ужесточить свою позицию. Но такой подход станет источником дестабилизации в Европе. По всем остальным вопросам можно договориться. Но вопрос о членстве в НАТО стоит особняком" (С. 464–465).

Перед лицом единого фронта Запада Горбачев выбросил белый флаг.

Он сделал это во время визита в США, использовав ранее сделанную Бейкером подсказку. В беседе с президентом Бушем-старшим 31 мая Горбачев предложил сделать "публичное заявление по итогам наших переговоров",

* Аналогичную аргументацию использовала и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, с которой Горбачев встретился 8 июня 1990 года. Она заявила: "Поскольку ГДР присоединяется к ФРГ, она автоматически унаследует все международные обязательства Федеративной Республики, включая членство в НАТО и ЕЭС". (С. 482).

указав, “что президент США согласился, что суверенная объединенная Германия сама решит, какой военно-политический статус ей избрать – членство в НАТО, нейтралитет или что-то иное”.

Было ясно, что налицо капитуляция Горбачева, однако осторожный Буш постарался улучшить текст.

Его вариант: “США однозначно выступают за членство объединенной Германии в НАТО, однако если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать”.

Эта редакция и была принята, однако по предложению Шеварнадзе стороны воздержались от включения данной фразы в заключительное коммюнике (С. 474–476). Предстояло “продать” эту уступку также и Колю, а самое главное – общественному мнению СССР, которое бурлило под впечатлением того, как “распродается за марки Победа, которая досталась такой ценой, такими жертвами” – об этом Горбачев откровенно говорил Колю в Москве 14 июля 1990 года (С. 499).

Во время июльских переговоров с канцлером в Москве и Архызе Горбачев отнес вопрос о вхождении Германии в НАТО к оставшимся двум “тяжелым темам”, хотя и квалифицировал его как “ясный”.

Сделанная им оговорка гласила: “Де-факто после объединения на территории нынешней ГДР не должно быть войск НАТО. Это в переходный период, а потом вопрос будет терять остроту. Возникнет переходное состояние, характеризующееся тем, что при юридическом членстве Германии в НАТО ее восточная часть будет оставаться в сфере действия Варшавского договора. Мы даем, таким образом, развязку проблемы о членстве Германии в НАТО”.

Второй “тяжелой темой” Горбачев назвал заключение “договора о пребывании наших войск в Германии в течение трех-четырех лет”.

Обе проблемы оказались тесно связанными, поскольку “сфера действия Варшавского договора” должна была выражаться, прежде всего, через присутствие в Германии Западной группы войск. Советская сторона настаивала на нераспространении компетенции НАТО на Восточную Германию, пока там остается ЗГВ, а также на гарантиях того, что после ухода советских войск “НАТО с ядерным оружием и своими складами не войдет на территорию бывшей ГДР”. При этом Горбачев был согласен с тем, чтобы рядом с ЗГВ были немецкие войска территориальной обороны, не подчиненные НАТО, а после вывода ЗГВ – также части бундесвера, подчиненные НАТО, но без ядерного оружия.

Достигнутое согласие включало эти моменты, а также условия и формы финансовой поддержки Бонна как в отношении содержания и вывода ЗГВ, так и переподготовки офицерского состава и строительства жилья для него на территории СССР.

Коль и Геншер охотно уплатили эту цену за предоставление Германии полного суверенитета к моменту ее объединения.

Коль подчеркнул уже в начале беседы с Горбачевым: “Будем помогать друг другу” (С. 497, 507–517).

На заключительной пресс-конференции Коль говорил о том, что “обе стороны сознают: в настоящее время в Европе, Германии и Советском Союзе совершаются исторические перемены, которые возлагают на нас особую ответственность. Это верно в отношении политической деятельности в каждой из этих стран, а также в развитии связей между двумя нашими странами, это верно в отношении будущего всей Европы”.

Президент Горбачев и я согласны в том, что мы должны взять на себя эту

историческую ответственность. И мы постараемся вместе справиться с ней".

Канцлер поставил журналистов в известность о договоренности "сразу после объединения Германии заключить всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать наши отношения. Такой договор должен охватывать все области отношений – не только политические, но также вопросы взаимной безопасности, экономики, культуры, науки и техники, молодежного обмена и многое другое. Цель заключается в том, чтобы поставить наши отношения на основу стабильности, предсказуемости и доверия, а также взаимодействия в нашем общем будущем".

Сообщение о договоре должно было смягчить впечатление полного торжества политики Бонна.

Выступление Горбачева на пресс-конференции преследовало ту же цель.

Он говорил: "Идет процесс сближения. Мы чувствуем себя хотя и разными, но органичными частями человеческой цивилизации, чувствуем взаимозависимость перед глобальными вызовами. Итоги встречи интегрируют и позиции ФРГ, и позиции Советского Союза. Наверное, западногерманская сторона не получила «в чистом виде» то, на что рассчитывала. «В чистом виде» и мы не получили того, на что рассчитывали в свое время. Но мы были реалистами, оценили направленность перемен, сопоставляли, постоянно вписываясь в европейский контекст, пытались органично совместить все эти процессы. И хотя визит канцлера называется рабочим, я бы отнес его к крупнейшим визитам нашего времени" (С. 526–529).

Взаимные комплименты не возымели большого действия на мировую общественность. Хотя в беседе с Бушем Горбачев и заявлял: "Я надеюсь, что из присутствующих никто не верит в такую чепуху, будто какая-то из сторон

победила в «холодной» войне" (С. 474), весь мир воспринял итоги внешнеполитической деятельности "перестройкистов" как безусловное поражение СССР.

Это Коль стал для Запада "великим канцлером". Это Коля славословили в Германии как "отца единства нации".

Горбачева же в СССР публично помнили.

Он признавался в беседе с германскими социал-демократами в сентябре 1990 г.: "Только что с трибуны перечисляли, что Горбачев успел уничтожить: КПСС, социализм, Союз ССР, Восточную Европу, марксизм-ленинизм. Что еще?".

Присутствовавший на беседе Фалин добавил: "Пролетарский интернационализм. Называли еще армию" (С. 584–585).

При этом поведение немцев по отношению к СССР было далеко от идеального.

Горбачев жаловался Геншеру 12 сентября, что "печать, а также телевидение (ФРГ), в частности программа ЦДФ, публикуют адреса и телефоны, по которым военнослужащие (ЗГВ) могут обратиться в случае, если захотят сбежать" (С. 573).

Снижение международного статуса страны в результате германского регулирования стало фактом.

Из партнера, способного диктовать условия соглашения, Советский Союз превратился в нищего, выклянчивающего подачки у богатых западных коллег. Характерен телефонный разговор Горбачева с Колем 10 сентября 1990 г. об объеме расходов на строительство 36 тысяч квартир для возвращающихся домой офицеров ЗГВ.

Советский запрос составлял 16–18 млрд. марок, немецкие расчеты исходили из затрат на сумму 11–12 млрд. марок. Коль всячески упирался.

Горбачев заявил: "Вы знаете, ситуация у нас в стране непростая. Нам необходимо исправлять экономическое положение. Мы не можем ждать три–пять месяцев.

Уже с 1 октября должен быть начат переход на рыночную экономику. Я нахожусь в очень жестком положении и не могу торговаться. Сейчас же получается, что мы ведем себя подобно торгашам".

Президент СССР добавил, что разочарован скрупульностью канцлера.

Коль ответил: "Мне не хотелось бы, чтобы вы были разочарованы. 12 месяцев назад мы начали отсчет нового времени в наших отношениях, вышли на новый уровень. Поэтому надо сделать все, чтобы этот процесс не был заторможен.

Я знаю, что должен помочь вам как человеку. Вы тоже мне помогаете.

В июле мы обсудили все проблемы и наметили необходимые меры.

Осенью мы окажем вам содействие в реализации программы реформ. Нужно сохранить атмосферу взаимной выручки в наших отношениях".

Горбачев: "У меня непростая ситуация, и вы должны ее видеть. После боев, которые нам пришлось выдержать с правительством, финансистами и военными, я не вижу возможности опускаться ниже 15 млрд. марок; 3 млрд. необходимо найти".

Коль предложил подумать о беспроцентном кредите на сумму 3 млрд. марок сроком на 5 лет.

Горбачев подытожил: "Вы предоставляете 12 млрд. марок сроком на 4 года на содержание и вывоз войск и плюс к этому несвязанный кредит (на 3 млрд.)".

На том и порешили.

Так была проторена дорожка к долговой яме для страны, углублять которую с усердием продолжала администрация Б.Ельцина.

Так стала нарастать та гора долгов, которые в начале XXI в. пришлось выплачивать России.

Так закладывалась основа империи российских олигархов, которых никто и никогда не расспрашивал об источниках их миллиардных состояний.

Что получил Советский Союз в суммарном остатке в результате урегулирования проблем, связанных с герман-

ским объединением? Практически ничего.

"Утешительным призом" для Москвы, проигравшей все дипломатические баталии 1989/1990 гг., должны были стать два договорных текста и одна декларация.

Речь идет:

– о Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г.,

– о Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР от 9 ноября 1990 г. ("большой договор");

– о Парижской хартии для новой Европы, принятой на встрече в верхах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 21 ноября 1990 г.

Должны были стать, но по различным причинам не стали. Во всех трех документах СССР фигурировал как один из рядовых участников без каких-либо привилегий или особых прав (но, правда, пока с равными правами). Наиболее острыя для него проблема – обеспечение безопасности после вывода советских войск с территории бывшей ГДР, а также стран Восточной Европы – осталась полностью неурегулированной.

В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии ("договор 2+4") был довольно тщательно прописан порядок ухода ЗГВ с территории бывшей ГДР, однако, по существу, проблемы европейской безопасности содержалась лишь ставшая знаменитой "клятва" Хонеккера и Коля, что "с немецкой земли будет исходить только мир".

В отличие от мирного договора, на заключении которого настаивали германцы-профессионалы, договор от 12 сентября носил по существу "одноразовый" характер: его целью было создание условий для объединения Германии, и после 3 октября 1990 г., когда

это объединение официально совершилось, о содержании договора все забыли. Подписав его, Советский Союз, так же как и остальные члены “большой четверки”, отказался от своих прав державы-победительницы во Второй мировой войне. Но, как и предупреждал Фалин, западные державы сохранили развитую систему взаимных обязательств с Германией, в которую были заблаговременно вмонтированы основные моменты их послевоенных прав. У СССР же после исчезновения ГДР не осталось партнера на германском направлении.

Что же касается Парижской хартии, то ее содержание исчерпывалось лозунгами типа “Эра конфронтации и раскола Европы закончилась” и “Составляющая единое целое и свободная Европа зовет к новому почину”.

По вопросу о безопасности на континенте, для обеспечения которой требовалось создание общеевропейской системы, в Хартии говорилось только: “Достижение национального единства Германии – важный вклад в установление справедливого и прочного мирного порядка в единой демократической Европе, сознающей свою ответственность за обеспечение стабильности, мира и сотрудничества”.

С юридической точки зрения Хартия имела характер заявления о намерениях и не подлежала ратификации парламентами стран-участниц СБСЕ. Это означало, что никто не мог, опираясь на текст Хартии, требовать от подписавших ее правительства выполнения каких-либо обязательств, то есть практическая ценность Хартии как кодекса международно-правовых норм была равна нулю.

Обозначившейся изоляции Советского Союза был призван воспрепятствовать Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и

ФРГ (уже в качестве объединенной Германии) (Бонн, ноябрь 1990 г.).

Как и обещал Коль, в этом договоре было “много общего с германо-французским договором” 1963 г. (С. 500), который положил начало “особым” отношениям между Францией и ФРГ, позволившим западноевропейской интеграции достичь высот, еще недавно считавшихся уделом далекого будущего.

В германо-советском договоре, получившем техническое название “большой договор” (в отличие от других, менее важных двусторонних соглашений), содержались положения, носящие характер международно-правовых обязательств. В договоре была провозглашена цель “создания прочного и справедливого европейского порядка, включая стабильные структуры безопасности” (преамбула). Стороны подтвердили “право всех народов и государств свободно и без вмешательства извне определять свою судьбу и осуществлять по собственному желанию свое политическое, социальное и культурное развитие” (ст. 1).

Они обязались “неукоснительно уважать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах” и рассматривать “сейчас и в будущем как нерушимые границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего договора” (ст. 2).

Они взяли на себя обязательство “воздерживаться от применения силы или угрозы силой” в отношениях между собой и “никогда не применять свое оружие, кроме как для целей индивидуальной или коллективной самообороны” (ст. 3).

Было также предусмотрено, что в случае возникновения ситуации, создающей угрозу миру, стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом, “чтобы согласовать свои позиции и условиться о мерах, которые позволили бы улучшить ситуацию или справиться с ней” (ст. 7).

В целом обязательства ФРГ по этому договору были равнозначны по меньшей мере обещанию не рассматривать свое “расширение на Восток” (то

есть поглощение ГДР) как начало общего марша западных блоков к советским (российским) границам.

Тем не менее, этот марш стал реальностью, причем ФРГ официально выступила его инициатором.

Обязательства по ст. 3 (ее текст: "Они [договаривающиеся стороны] никогда и ни при каких обстоятельствах не используют первыми свои вооруженные силы друг против друга или против третьих государств. Они призывают все остальные государства присоединиться к этому обязательству о ненападении") носили вполне конкретный характер. Более того, такое обязательство со стороны Германии было условием ее объединения.

Однако Германия не сделала ничего для того, чтобы к этому обязательству присоединилось какое-либо другое европейское государство. Само же обязательство не помешало ФРГ принять участие в агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.

В преамбуле договора содержалась ссылка на "фундамент, созданный в предыдущие годы развитием сотрудничества между Федеративной Республикой Германией, а также Германской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик". Однако еще до объединения наметилась линия на гонения и дискриминацию тех граждан ГДР, которые сыграли большую роль в укреплении дружбы и сотрудничества с СССР.

Во время встречи с премьер-министром Сааром Оскаром Лафонтеном (СДПГ) 21 сентября 1990 г. Горбачев сообщил, что написал Колю письмо по этому поводу.

Он сказал: "Обращаю его внимание на то, что нельзя допустить преследований в Германии бывших членов СЕПГ. Если это начнется, возникнут подозрения, привкус прошлого. Налицо и антисоветская направленность таких тенденций. Если мы смотрим в будущее, этого не должно быть".

Возвращаясь по ходу беседы к этой теме, президент СССР отметил: "Мы были

тесно связаны со многими людьми в ГДР. Если в этом вопросе будут чувствоватьсь, мягко говоря, деформации, пойдет «охота за ведьмами», то у нас в стране, в обществе это произведет очень неблагоприятное впечатление. Я не думаю, что Хонеккер был действительно замешан в злоупотреблениях. Не из того теста он сделан. Я ведь был свидетелем всей этой трагедии. Одно дело политические просчеты, другое – злоупотребления".

Сопровождавшие Лафонтена представители руководства СДПГ поддержали высказанное Горбачевым мнение, а Лафонтен обратился к нему с просьбой: "Поговорите с Колем насчет него (Хонеккера). Если это сделаем мы, на нас все набросятся" (С. 590–591).

В обширной литературе, посвященной объединению Германии, нет упоминаний об обращении Горбачева к Колю по вопросу об отношении к гражданам бывшей ГДР. Скорее всего, он так и не решился направить канцлеру упоминавшееся им в беседе с Лафонтеном письмо, проект которого был подготовлен для него Фалиным и отредактирован Черняевым в сторону "смягчения" 24 сентября – свидетельства о том, что письмо было действительно передано германской стороне, публикация не содержит.

В проекте содержалась ссылка на сведения о намерении судить в федеральных судах 8 тыс. чел. за "национальную измену", за "преступления против человечности", за "подрывную деятельность в интересах иностранного государства" и такой комментарий: "Был бы человек – параграф сырщется, а из архивов при желании можно извлечь все что угодно".

Далее в проекте говорилось: "Что касается «услугения иностранному государству», то не будем игры играть – метят в Советский Союз, пренебрегая его вкладом в восстановление единства Германии. Советская общественность и Верховный Совет, которому еще предстоит ратификация договоров с ФРГ внимательно следят за ходом объединительного процесса. Они,

несомненно, не оставят без реакции попытки выдать за криминал то, что до недавнего времени вытекало из союзнических обязательств.

Открытая или даже скрытая проповедь антисоветизма и антикоммунизма не вяжется с принципами добрососедства, которым мы с вами присягнули" (С. 593–594).

Имя Хонеккера в проекте письма не упоминалось. Тем не менее Горбачев вполне мог счесть его текст неуместным в обстановке, когда Коль говорил ему (как это было во время беседы с глазу на глаз 9 ноября 1990 г.): "Совершенно официально заявляю вам, что как федеральный канцлер Германии и просто как гражданин Гельмут Коль я ставлю на вас, г-н Горбачев. Именно на вас, а не на всех, кто находится рядом с вами" (С. 604).

Очень может быть, что он не хотел рисковать нарушить гармонию, о которой сам говорил в тот же день: "Мы с канцлером едины в том, что после проделанной сторонами работы по урегулированию принципиальных вопросов двусторонних отношений необходимо сделать акцент на координации практического сотрудничества. Мы вошли в новую фазу отношений, и ее плоды должны быть видны и в СССР, и в Германии" (С. 613).

Несмотря на неясность с обращением в защиту бывших членов СЕПГ, надо отдать Горбачеву должное: он предоставил Хонеккеру и его супруге убежище в СССР. Но в ФРГ состоялись тысячи судебных процессов, значительная часть из которых закончилась осуждением обвиняемых на различные сроки тюремного заключения. Отбывал свой срок и Кренц, преемник Хонеккера на посту генераль-

ного секретаря ЦК СЕПГ и председателя государственного совета (президента) ГДР.

"Большой договор" создал механизм регулярных консультаций между ФРГ и СССР/Россией (после дезинтеграции Советского Союза он был признан Германией и Российской Федерацией в качестве основы их взаимоотношений), предназначенный для гармонизации их действий на международной арене. Но это только механизм. Он мог оказаться пригодным для продвижения российских интересов или мог служить лишним поводом для совместного похода в сауну, как это было в эпоху Ельцина.

Консультации не предотвратили расширения НАТО на Восток. ФРГ дисциплинированно маршировала в едином натовском строю, в то время как блок быстро менял свою антисоветскую ориентацию на антироссийскую.

Свет в конце туннеля забрезжил только тогда, когда начатый Горбачевым и продолженный Ельциным бег России к краю пропасти был остановлен В.В.Путиным – остановлен, надо признать, в последний момент. Несколько лет спустя, достаточно неожиданно для многих, в России начался процесс консолидации сил, восстановления экономики, возвращения на мировую арену в качестве одного из центров глобального влияния. Только после этого возникли предпосылки для подлинного российско-германского партнерства, при котором не на словах, а на деле учитываются интересы обеих сторон.

Заключение

Xотя забвение национальных интересов началось, по существу, с того момента, когда под флагом "перестройки" внешнюю политику СССР стало определять так называемое "новое мышление", сводившееся на практике к "упреждающим уступкам" западным партнерам, переход к прямой капитуляции по главной внешнеполитической проблеме того периода – по германской – поддается точному датированию. Такой датой стало 26 января

1990 г., когда на совещании генерального секретаря ЦК КПСС со своими ближайшими советниками было принято решение “сдать” ГДР.

“Коллективным” данное решение можно назвать только с большой натяжкой. К обсуждению не были привлечены профессионалы-германисты (за исключением Фалина). Присутствовавший на совещании министр иностранных дел Шеварнадзе никак не может быть причислен к специалистам ни по внешней политике в целом, ни тем более по германским делам, в частности.

Участники совещания руководствовались соображениями, весьма отдаленно связанными с реальным положением дел в германских государствах.

Догматическая линия на блокирование любого обсуждения национальной проблемы немцев, проводившаяся советским руководством после падения Стены (9 ноября 1989 г.), стала препятствием для того, чтобы ГДР и СССР своевременно задействовали те немногочисленные козыри, которые еще оставались у них на руках после того, как при участии Москвы был ревитализирован германский вопрос.

Замена этой линии в январе 1990 г. на прямо противоположную представляла собой попытку вспрыгнуть в последний вагон уходящего поезда.

Эта попытка могла принести успех только при условии, что будет незамедлительно начат нормальный переговорный процесс, в ходе которого неизбежные уступки с советской стороны делались бы лишь в ответ на встречные уступки ФРГ и Запада в целом.

У Запада не было согласованной позиции в отношении скорого германского объединения; такой позиции не было и в самой ФРГ; у постсоциалистической ГДР были свои представления о способах и сроках достижения единства, которые совсем не обязатель-

но совпадали с планами Бонна, Вашингтона, Лондона или Парижа.

Все это открывало определенный простор для игры на противоречиях и несогласованностях партнеров.

Участники процесса, кроме Бонна и в какой-то степени Вашингтона, не были заинтересованы в подхлестывании темпа событий. В то же время правительство ФРГ исходило из необходимости спешить, чтобы воспользоваться “окном возможностей”, которое, как оно опасалось, могло того гляди закрыться. Эта спешка делала его предрасположенным к уступкам по проблемам, которые стояли в центре советских озабоченностей, обусловленных перспективой утраты наиболее ценного союзника на европейском направлении.

Главной из таких проблем было участие объединенной Германии в НАТО.

Как показало дальнейшее развитие, возражения Москвы против такого участия не носили конъюнктурного характера, а отражали фундаментальные интересы безопасности СССР/России.

Именно сохранение и укрепление НАТО вследствие включения в альянс объединенной Германии обусловили крушение планов создания общеевропейской системы коллективной безопасности, что создало предпосылки для расширения блока на Восток в качестве эрзаца такой системы, а также для нынешней военно-стратегической изоляции России в Европе.

Именно существование НАТО позволяет США втягивать европейские страны в новую гонку вооружений. Ряд свидетельств участников тогдашних внутренних дискуссий в ФРГ подсказывает, что, будучи поставленным перед жестким выбором: “объединение или НАТО”, западногерманское руководство с большой степенью вероятности предпочло бы объединение.

Но для этого нужно было вести активную “нажимную” политику, ис-

пользовать все возможности воздействия на партнеров по переговорам, настаивать на приемлемых развязках, вообще – не терять времени даром.

О том, что подобный образ действий был возможен и даже, не исключено, имел кое-какие шансы на успех, говорит концепция Фалина, который в апреле 1990 г. попытался переломить беспомощное скольжение СССР к дипломатическому поражению.

Но фатальность краха была заложена уже 10 февраля 1990 г., когда состо-

ялась безоговорочная передача “ключа от германского единства” в руки Коля. К этому моменту Москва уже “села на иглу” западногерманских займов, и ее зависимость от них в дальнейшем только возрастала.

Коль и здесь проявил себя как рачительный хозяин – ГДР досталась ему по распродажной цене, причем большую часть полученных финансовых вливаний России пришлось впоследствии вернуть Германии с процентами.

Материалы рассматриваемого сборника документов, задуманного как средство оправдания личной политики Горбачева и его ближайшего окружения, дают скорее противоположный эффект.

Но польза от их публикации несомненна: стали гораздо более зримыми внутренние пружины действий партийного руководства в завершающий советский период.

Если история позволяет делать выводы из течения составляющих ее событий, то вывод из краха стратегии Горбачева может звучать так: государственный деятель, сдающий жизненные интересы доверенной ему страны – какими бы красивыми лозунгами это сдава ни прикрывалась (то ли “политической целесообразностью”, то ли “абсолютным приоритетом” общечеловеческих, общеевропейских, общечивилизационных и так далее ценностей), – такой государственный деятель обречен на поражение. И с ним, к сожалению, возглавляемая им страна.

